

Хлыстовская икона?

Несколько лет назад в лавочке антиквара мне попала эмалевая нательная иконка («ладанка»). Её сюжет привлёк меня своей необычностью, хотя, казалось бы, он совпадает с общеизвестным «Распятием»: по сторонам от распятого Иисуса, на первый взгляд, располагаются Дева Мария и Иоанн, любимый ученик. Но так кажется только при беглом, невнимательном восприятии. Всмотревшись, замечаешь странности; чем больше всматриваешься, тем неожиданнее оказываются подробности изображения.

Так, фигура, вначале представлявшаяся Богородицею (расположена справа от зрителя), оказывается старцем с седой бородой (это не может быть и Иоанн, поскольку он всегда изображается юным). Притом старец указывает юноше (расположенному с другой стороны) на Крест с Распятием. Кстати, сам Крест нарисован достаточно традиционно и тонко, в отличие от обеих фигур. Они же напоминают скорее наивный детский рисунок, выполнены весьма неумело. Видимо, потому, что иконопись основана на каноне, а традиции изображения подобных фигур не было...

Довершает несходство с каноном... «икона на иконе». Она расположена рядом со старцем, справа от Креста. Конечно же, сюжет Распятия не может включать в себя икону — притом, вроде бы, воспроизводящую черты... самого старца! И, наконец, привлекает внимание основание, на котором утверждён сам Крест: это — явно **стол**, за которым и **сидят** (а не стоят!) с обеих сторон старец и юноша...

И тут меня осенило: да это ведь — явный сюжет христововерческого (хлыстовского) происхождения! Интересуясь традиционным русским сектантством, я в своё время достаточно подробно ознакомился с преданиями христововеров. Известно мне было и о том столе, за которым встречался и беседовал в самом конце XVII века Данила Филиппович, по вере хлыстов — воплощение Бога-Отца (Саваофа), с «Сыном своим возлюбленным» Иваном Тимофеевичем — земной ипостасью Бога-Сына, хлыстовским Христом. Об этом столе А.А. Панченко приводит* такие сведения:

«...Иван Тимофеевич, говорят хлысты, тридцать лет прожил в Москве спокойно, распространяя тайное учение людей Божьих... Сюда в 1699 году пришёл из Костромы к «возлюбленному Сыну Своему» Ивану Тимофеевичу Господь Саваоф, Верховный гость, Данила Филиппович, на сотом году своей жизни. Здесь Он много беседовал с Сыном Своим за **столом, который до 1845 года, как святыня, сохранялся у московских хлыстов...»**

У меня нет никакого сомнения, что на нашей натальной иконке изображён тот самый стол, за которым восседают упомянутые персонажи хлыстовского предания, и на этом же столе — утверждён Крест. Ведь Голгофа в традиционной иконописи изображается либо как холм («гора»), либо как ровное место, а под распятием помещается череп с костями — голова Адама, омываемая кровью Христа. Ни того, ни другого в нашей композиции нет. Следовательно, на ней представлен Крест не реальный (Голгофский), а виртуальный, на который и указывает Данила Филиппович своему «возлюбленному Сыну», предвещая предстоящие тому крестные муки (по хлыстовскому преданию, Иван Тимофеевич был трижды распят за свои проповеди в Москве на Красной площади — и трижды же воскресал). Икона же, расположенная между Крестом и изображением Данилы Филипповича, должна, очевидно, подчеркивать божественный статус последнего...

Спустя несколько лет после приобретения описанной иконки мне посчастливилось купить несколько иной по изобразительным средствам, но идентичный по содержанию «образок», составлявший, по-видимому, часть украшения большого кожно-матерчатого книжного переплёта. Если эмаль первого «образка» прикреплена к овальной деревянной основе в металлической рамке, снабженной ушком для цепочки, то второе изображение — больше по величине, прямоугольно-вертикальной формы и имеет на обороте остатки ткани (что говорит о нем, как о части оформления книжного переплёта).

В отличие от первого изображения, на втором Крест не утверждён на столе, но парит в воздухе. По краям картины изображены деревца, намекающие, предположительно, на райские кущи, которыми увенчается крестный подвиг Ивана Тимофеевича...

На обоих изображениях фоном для Креста служит своеобразный белый «убрус», или завеса, или пелена, ярче показанная на втором — «книжном» — образке. Своей формой эта пелена напоминает ткань, на которой, согласно иконописной традиции, отпечатан Лик Христов на иконе «Спас

Нерукотворный». Сказанное ещё более оттеняет «виртуальность» изображенного Распятия...

Если кому-либо из читателей знаком подобный сюжет, или он может представить фотографию похожего изображения, или же ему есть чем дополнить наш текст, — просим сообщить об этом.

P.S. Учитывая расположение фигур, нельзя ли предположить, что хлыстовский сюжет «замаскирован» под клеймо жития царевича Иосафа, которого мудрый Варлаам посвящает в тайны Христианства (легенда о Варлааме и Иосафе)? Однако же в руках у Варлаама изображается ларец, символизирующий «сокровище веры», каковой в нашем случае отсутствует.

P.P.S. Не является ли цвет одежд наших героев символическим? Старец одет в зелёное — цвет жизни и вечности. Юноша — в красное, цвет жертвенной крови...

---

* Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. — М.: ОГИ, 2002, с. 124. А.А. Панченко ссылается на работу П.И. Мельникова (Андрея Печерского): Тайные секты // ПСС, т. VI, СПб., 1909, с. 270–271.